

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ О ВОЙНЕ И МИРЕ

Олег Иванович Сыромятников

доктор филологических наук
профессор кафедры русской литературы Пермского
государственного национального исследовательского университета
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15
pani_perm@list.ru

Для цитирования: *Сыромятников О. И.* Ф. М. Достоевский о войне и мире // Богословский вестник. 2022. № 3 (46). С. 259–280. DOI: 10.31802/GB.2022.46.3.012

Аннотация

УДК 2-67 (271.2)

В статье рассматриваются взгляды Ф. М. Достоевского на феномен войны и мира, выраженные им в первой главе апрельского номера «Дневника писателя» за 1877 г., посвящённой вступлению России в войну с Турцией. В острой, полемической форме писатель отвечает либеральной прессе, говорившей о пагубности этого шага для русского общества. Он подчёркивает, что причиной вступления России в войну было многолетнее жестокое угнетение турецкими захватчиками восточнославянских народов, которые неоднократно обращались к России за помощью, но не получали её, так как русская дипломатия пыталась решить эту проблему мирным путём. И только когда все мирные средства были исчерпаны, Россия взялась за оружие, имея своей целью не территориальные или экономические приобретения, а исключительно освобождение угнетённых братьев-славян. Достоевский говорит, что русский народ всегда считал войну несомненным злом и не желал её, но принял её необходимость как свой священный долг, определяемый христианскими заповедями о любви к ближним и самопожертвованию ради их спасения.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, православие, война, мир, «Дневник писателя», русско-турецкая война 1877–1878 годов, Европа, Россия, Турция.

F. M. Dostoevsky on War and Peace

Oleg I. Syromiatnikov

PhD in Philology

Professor at the Department of Russian Literature at the Perm

State National Research University

15, Bukireva st., Perm, 614068, Russian Federation

pani_perm@list.ru

For citation: Syromiatnikov, Oleg I. "F. M. Dostoevsky on War and Peace". *Theological Herald*, no. 3 (46), 2022, pp. 259–280 (in Russian). DOI: 10.31802/GB.2022.46.3.012

Abstract. The article examines F.M. Dostoevsky's views on the phenomenon of war and peace, expressed by him in the first chapter of the April issue of the expressed by him in the «Diary of the writer» in 1877, dedicated to the entry of Russia into the war with Turkey. In a sharp, polemical form, the writer responds to the liberal press, which spoke about the perniciousness of this step for the Russian society. He emphasizes that the reason for the entry of Russia into the war was the Turkish long-term brutal oppression of the East Slavic peoples, who repeatedly turned to Russia for help, but did not receive it because Russian diplomacy tried to solve this problem peacefully. And only when all peaceful means were exhausted, Russia took up arms, aiming not at territorial or economic acquisitions, but exclusively at the liberation of the oppressed Slavic brothers. Dostoevsky says that the Russian people have always considered war to be an undoubted evil and did not want it, but accepted its necessity as their sacred duty, dictated by the Christian commandments of love for one's neighbors and self-sacrifice for their salvation.

Keywords: F. M. Dostoevsky, Orthodoxy, war, peace, «Diary of the writer», Russian-Turkish war of 1877–1878, Europe, Russia, Turkey.

В середине XX в. Э. Фромм сказал:

«История человечества написана кровью. Это история никогда не прекращающегося насилия»¹.

Казалось бы, на земле не было и нет человека, который признавал бы нормальность и необходимость войны, но войны ведутся непрерывно.

Россия воевала на протяжении всей своей истории, однако философское осмысление феномена войны началось только в конце XIX в., одновременно с появлением русской философии. Разные философские направления по-разному видели причины войны. Марксизм считал главной из них несправедливость создания и распределения материальных благ, религиозная философия говорила о духовных истоках войны. Последний подход представлен в работах В. С. Соловьёва, В. В. Розанова, С. Л. Франка, С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяева и других мыслителей, но наибольший вклад был сделан И. А. Ильиным, энергично и аргументированно выступившим против толстовской концепции «непротивления злу насилием». В этой связи следует упомянуть и замечательное сочинение А. А. Керсновского «Философия войны» (1939 г.). Среди современных работ наибольшего внимания заслуживают труды иеромонаха А. Крупина «Последняя война» (2005 г.) и протоиерея А. Шаргунова «Последнее оружие» (2014 г.).

Характерно, что в своих размышлениях многие из указанных авторов в большей или меньшей степени обращались к идеям Ф. М. Достоевского, и это неслучайно, ибо отношение человека к войне определяется его мировоззрением, основу которого образует фидеистское (религиозное) сознание. Сегодня бесспорным фактом является то, что Достоевский был православным христианином, жившим полной церковной жизнью. Также напомним, что он получил высшее военное образование, а после отбывания четырёхлетней каторги прошёл службу от рядового до прапорщика в Сибирском 7-м линейном батальоне Семипалатинска. Нет ни одного свидетельства того, что у военнослужащего Достоевского были какие-то упущения по службе, скорее наоборот: можно с уверенностью сказать, что если бы ему пришлось участвовать в боевых действиях, то он вёл бы себя достойно, безукоризненно исполняя воинский долг. Мы напомним об этом, чтобы подчеркнуть: взгляд на войну военного человек значительно (а иногда

1 Фромм Э. Душа человека: Перевод. Москва, 1992. С. 16.

и радикально) отличается от взгляда того, кто никогда не держал в руках оружия и не произносил военной присяги.

Русская Православная Церковь выразила своё отношение к войне в документе под названием «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви», принятом Архиерейским Собором в 2000 г. В нём утверждается, что причиной войны является «греховное злоупотребление богоданной свободой»², а также рассматривается понятие «справедливой войны» и говорится о том, что Церковь,

«признавая войну злом... все же не воспрещает своим чадам участвовать в боевых действиях, если речь идёт о защите ближних и восстановлении попорченной справедливости. Тогда война считается хотя и нежелательным, но вынужденным средством»³.

Во времена Достоевского подобного документа не было, но Россия вела войны, и Церковь была вынуждена выразить своё отношение к ним, что и было сделано очень кратко в «Пространном катехизисе» святителя Филарета Московского. В нём сказано, что война

«не есть незаконное убийство, когда отнимают жизнь по должности, как то: 1) когда преступника наказывают смертью по правосудию; когда убивают неприятеля на войне за Государя и Отчество»⁴.

Нам неизвестно, опирался ли Достоевский в своих рассуждениях о войне на этот текст, во всяком случае, он не упоминает о нём в своих сочинениях. Но мы знаем, что писатель всю жизнь изучал Священное Писание и труды отцов Церкви и знал православный взгляд на войну.

Диалектика войны и мира занимает в творчестве Достоевского особое место. Писателя всегда интересовали причины отчуждения, обособления, вражды и взаимной ненависти между людьми. Главной из них он считал утрату любви — основу жизни каждого человека и всего бытия. Писатель старался понять, почему люди, сотворённые по образу и подобию Бога, теряют любовь и к своему Отцу и друг к другу. Этот вопрос волновал многих русских писателей, и хотя они отвечали на него по-разному, для православного сознания было очевидно, что все социальные, экономические и политические процессы, связанные

2 Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // Информационный бюллетень отдела Внешних церковных связей Московского Патриархата. Специальный выпуск. № 8. Август 2000 г. VIII.1.

3 Там же. VIII. 2.

4 *Филарет, митр. Московский и Коломенский, свт.* Пространный христианский катехизис Православной Кафолической Восточной Церкви. М., 2005. С. 147–148.

с войной, — не причина, а следствие нарушения фундаментальных духовных законов бытия.

В творчестве писателя слово «война» в различных грамматических формах употребляется нечасто: один раз — в романе «Братья Карамазовы», где Миусов иронично упоминает о «прекрасной утопической мечте об исчезновении войн, дипломатов, банков и проч.»⁵

Также один раз слово «война» используется в письмах⁶, а именно: в письме С. Д. Яновскому от 28 сентября 1867 г. Достоевский делится впечатлениями о посещении заседания женевского «Конгресса мира»:

«В зале, который мог бы вместить три или четыре тысячи человек, с высокой трибуны разглагольствовали разные господа, которые решали судьбу человечества. Проблема была философского порядка, но цель конгресса — практической; вот в чем она состояла: как сделать, чтобы на земле исчезли войны и чтобы воцарился мир?.. Сразу же было решено, что, дабы мир воцарился, необходимо истребить огнём и мечом папу и всю христианскую религию. Затем: поскольку великие державы показали, что не могут существовать, не имея больших армий и не ведя войн, надо их разрушить и заменить маленькими республиками; затем надо уничтожить огнём и мечом капитал, а равно и всех тех, кто не всецело разделяет этот взгляд»⁷.

В публицистике Достоевского слово «война» неоднократно используется в обзоре «Иностранные события» журнала «Гражданин», содержащем упоминания о различных современных военных конфликтах в Европе, а также в первой главе апрельского выпуска «Дневника писателя» за 1877 г., посвящённой началу русско-турецкой войны. Именно здесь война не просто упоминается, а рассматривается с историософской точки зрения.

Поводом к написанию этой главы послужил Высочайший манифест от 12 апреля 1877 г. об объявлении войны Турции. В нём подробно говорилось о причинах, побудивших Александра II принять такое решение:

«Всѣмъ НАШИМЪ любезнымъ вѣрноподаннымъ извѣстно то живое участіе, которое МЫ всегда принимали въ судьбахъ угнетеннаго христіанскаго населенія Турціи. Желаніе улучшить и обезпечить

5 *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений в 30-ти томах. Т. 14. Ленинград, 1976. С. 58.

6 При этом неоднократно встречаются косвенные упоминания об европейских геополитических конфликтах, значительно обострившихся во второй половине XIX в.

7 *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений в 30-ти томах. Т. 28. Кн. 2. Ленинград, 1985. С. 354.

положеніе его раздѣлялъ съ НАМИ и весь Русскій народъ, нынѣ выражающій готовность свою на новыя жертвы для облегченія участи христіанъ Балканскаго полуострова»⁸.

Государь подчёркивает, что война была крайней, вынужденной мерой, что все ненасильственные средства разрешения создавшейся ситуации были употреблены:

«Кровь и достояніе НАШИХЪ вѣрноподданныхъ были всегда НАМЪ дѳроги; все Царствованіе НАШЕ свидѣтельствуеъ о постоянной заботливости НАШЕЙ сохранять Россіи благословенія мира... МЫ первоначально поставили СЕБѢ цѣлю достигнуть улучшеній въ положеніи восточныхъ христіанъ путемъ мирныхъ переговоровъ и соглашенія съ союзными и дружественными НАМЪ великими европейскими державами... Усилія НАШИ, поддержанныя совокупными дипломатическими настояніями другихъ Правительствъ, не привели однако къ желаемой цѣли. Порта осталась непреклонною въ своемъ рѣшительномъ отказѣ отъ всякаго дѣйствительнаго обезпеченія безопасности своихъ христіанскихъ подданныхъ... Но ожиданія НАШИ не оправдались... Исчерпавъ до конца миролюбіе НАШЕ, МЫ вынуждены высокомѣрнымъ упорствомъ Порты приступить къ дѣйствіямъ болѣе рѣшительнымъ. Того требуютъ и чувство справедливости, и чувство Собственнаго НАШЕГО достоинства. Турція, отказомъ своимъ, поставляетъ НАСЪ въ необходимость обратиться къ силѣ оружія. Глубоко проникнутые убѣжденіемъ въ правотѣ НАШЕГО дѣла, МЫ, въ смиренномъ упованіи на помощь и милосердіе Всевышняго, объявляемъ всѣмъ НАШИМЪ вѣрноподаннымъ, что наступило время, предусмотрѣнное въ тѣхъ словахъ НАШИХЪ, на которыя единодушно отозвалась вся Россія. МЫ выразили намѣреніе дѣйствовать самостоятельно, когда МЫ сочтемъ это нужнымъ и честь Россіи того потребуеъ. Нынѣ, призывая благословеніе Божіе на доблестныя войска НАШИ, МЫ повелѣли имъ вступить въ предѣлы Турціи»⁹.

А. Г. Достоевская вспоминала, как писатель отнёсся к этому событію:

- 8   Апреля 12. Манифест. О вступлении Россійскихъ войскъ въ предѣлы Турціи // ПСЗ. Собрание второе (1825–1881). Т. 52 (1877). Отд. 1. № 57155. С. 371. Курсив и иные средства выделения текста в цитатахъ всегда принадлежатъ ихъ авторамъ, кроме особо оговорѣнныхъ случаев.
- 9   Там же.

«Федор Михайлович велел извозчику везти нас к Казанскому собору. В соборе было немало народу и служили непрерывные молебны перед иконой Казанской Божьей Матери. Федор Михайлович тотчас скрылся в толпе. Зная, что в иные торжественные минуты он любит молиться в тиши, без свидетелей, я не пошла за ним и только полчаса спустя отыскала его в уголке собора, до того погружённого в молитвенное и умилённое настроение, что в первое мгновение он меня не признал»¹⁰.

Волнение Достоевского вполне понятно, ведь время от времени в российском общественном сознании появлялись сообщения о зверствах, творимых агарянами на захваченных ими славянских землях. Царское правительство, зная об этом, до последнего момента пыталось избежать прямого столкновения с Портой, стараясь в первую очередь решить множество насущных внутренних проблем. К тому же за спиной Турции стояла Англия, усиленно подталкивавшая её к конфликту с Россией. Она способствовала перевооружению турецкой армии, направляла в неё своих советников и военных инженеров, поставляла новейшее вооружение, выдавала беспроцентные (а по существу, безвозвратные) кредиты и т. д. Пользуясь этим, агаряне совершали на оккупированных территориях страшные преступления, изощёрённо глумясь над беззащитным мирным населением.

Достоевский не просто поддержал призыв государя, он напомнил читателям о событиях двухсотлетней давности, указав на духовно-нравственную преемственность русской монархии. Толчком к этому послужило письмо настоятеля Воскресенского Новоиерусалимского монастыря архимандрита Леонида (Кавелина) от 12 апреля того же года, содержащее обширную выписку из книги «Московское государство при царе Алексее Михайловиче и патриархе Никоне, по запискам архидиакона Павла Алеппского»¹¹. В ней, в частности, говорилось,

«что на св. Пасху (1656 г.) государь, христосуясь с греческими купцами, бывшими в Москве, сказал между прочим к ним: “Хотите ли вы и ждете ли, чтобы я освободил вас из плена и выкупил?” И когда они отвечали: “Как может быть иначе? Как нам не желать этого?” — он прибавил: “Так, поэтому, когда вы возвратитесь в свою сторону, просите всех монахов и епископов молить Бога и совершать литургию за меня, чтобы их молитвами дана была мне мощь отрубить

10 *Достоевская А. Г.* Воспоминания. 1864–1917. Москва, 2015. С. 368–369.

11 *Оболенский И.* Московское государство при царе Алексее Михайловиче и патриархе Никоне, по запискам архидиакона Павла Алеппского. Киев, 1876.

голову их врагу”. И, пролив при этом обильные слезы, он сказал потом, обратившись к вельможам: “Мое сердце сокрушается о порабощении этих бедных людей, которые стонут в руках врагов нашей веры; Бог призовет меня к отчету в день суда, если, имея возможность освободить их, я пренебрегу этим... И я боюсь вопросов, которые мне предложит Творец в тот день: и порешил в своем уме, если Богу угодно, что потрачу все свои войска и свою казну, пролью свою кровь до последней капли, но постараюсь освободить их”»¹².

Жанр «Дневника писателя» не допускал многословных и многосложных философствований, это был быстрый и прямой разговор с читателями на животрепещущие темы внутрироссийской и европейской жизни, поэтому Достоевский говорит не о войне вообще, а о конкретном событии: с одной стороны, анализируя его цели и причины, а с другой — отвечая на «пацифистские» стенания либеральной прессы по поводу ненужности, несвоевременности и принципиальной недопустимости войны. Ввиду точности и многоаспектности суждений Достоевского нам придётся во избежание редукации содержания приводить их в обширных цитатах.

Писатель утверждает, что предчувствие войны уже давно жило в русском обществе, и теперь

«все чувствуют, что началось что-то окончательное, что наступит какой-то конец чего-то прежнего, долгого, длинного прежнего и делается шаг к чему-то совсем уже новому, к чему-то преломляющему прежнее надвое, обновляющему и воскрешающему его уже для новой жизни и... что шаг этот делает Россия!»¹³

Ярко выраженный эсхатологический мотив связан с внутренней убеждённостью широких народных масс в том, что уговорами и дипломатическими «вразумлениями» злодея не остановить и пора предпринять решительные и радикальные действия. Достоевский замечает, что предчувствие перемен давно уже жило в народе и государь только выразил его в своём слове:

«...народ верит, что он готов на новый, обновляющий и великий шаг. Это сам народ поднялся на войну с царём во главе. Когда раздалось царское слово, народ хлынул в церкви, и это по всей земле русской. Когда читали царский манифест, народ крестился и все *поздравляли*

12 Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30-ти томах. Т. 25. Ленинград, 1983. С. 103–104.

13 Там же. С. 94.

друг друга с войной. Мы это сами видели своими глазами, слышали, и все это даже здесь в Петербурге». Приходят многочисленные сообщения о том, говорит писатель, что «крестьяне в волостях жертвуют по силе своей деньги, подводды, и вдруг эти тысячи людей как один человек восклицают: “Да что жертвы, что подводды, мы все пойдём воевать!” Здесь в Петербурге являются жертвователи на раненых и больных воинов, дают суммы по несколько тысяч, а записываются *неизвестными*. Таких фактов множество, будут десятки тысяч подобных фактов, и никого ими не удивишь. Они означают лишь, что весь народ поднялся за истину, за святое дело, что весь народ поднялся на войну и идёт»¹⁴.

Обратим внимание на точность поставленного акцента: «святым делом» названа не сама война, а борьба за истину. Именно она является целью, а война — последним и потому неизбежным средством её достижения.

Всенародный патриотический подъём пугает либеральную общественность, с позиции абстрактного гуманизма разглагольствующую о недопустимости войны. Утратившие национальное самосознание «общечеловеки» не верят в духовную силу русского народа:

«Россия! Но как же она может, как она смеет? Готова ли она? Готова ли внутренно, нравственно, не только матерьяльно? Там Европа, легко сказать Европа! А Россия, что такое Россия? И на такой шаг?»¹⁵

Эти либеральные «мудрецы», замечает Достоевский, отрицают и цель и факт всенародной поддержки воли Государя. Более того, они всё ещё

«продолжают смеяться над народом, хотя и заметно притихли их голоса. Почему же они смеются, откуда в них столько самоуверенности? А вот именно потому-то и продолжают они смеяться, что все еще почитают себя силой, той самой силой, без которой ничего не поделаешь. А меж тем сила-то их приходит к концу. Близятся они к страшному краху, и когда разразится над ними крах, пустятся и они говорить другим языком, но все увидят, что они бормочут чужие слова и с чужого голоса, и отвернутся от них и обратят свое упование туда, где царь и народ его с ним»¹⁶.

14 *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений в 30-ти томах. Т. 25. Ленинград, 1983. С. 94–95.

15 Там же. С. 94.

16 Там же. С. 95.

Ещё недавно, продолжает писатель, либералы

«кричали на весь мир, что мы бедны и ничтожны, они насмешливо уверяли всех, что духа народного нет у нас вовсе, потому что и *народа* нет вовсе», а есть только «миллионы косных, пьяных податных единиц», «что никакого соединения царя с народом нет...»¹⁷.

И сегодня

«они проповедуют о человеколюбии, о гуманности, они скорбят о пролитой крови, о том, что мы ещё больше озвереем и осквернимся в войне и тем ещё более отдалимся от внутреннего преуспеяния, от верной дороги, от науки»¹⁸.

Либералы говорят, что Европа желает России только блага, что научный прогресс и общечеловеческие ценности сами собой обеспечат

«во всех народах желание мира, международного единения и человеколюбивого преуспеяния. А стало быть, надо все-таки проповедовать мир, а не кровь»¹⁹.

В этих словах, говорит Достоевский, заключается страшная ложь, потому что все эти

«наши проповедники миролюбия и гуманности... прямо начинали с самой бесчеловечной жестокости. Они сами не хотели и других удерживали помочь мученикам, взывавшим к нам. Они, по-видимому, столь гуманные и чувствительные, хладнокровно и с насмешкой отрицали необходимость для нас самопожертвования и духовного подвига. Они желали столкнуть Россию на самую пошлую и недостойную великой нации дорогу, не говоря уже об их презрении к народу, признававшему в славянских мучениках братьев своих, а стало быть, об их надменном разрыве с волею народной, выше которой поставили они своё фальшивое “европейское” просвещение»²⁰.

«Общечеловеки» кричат о жертвах, о том, что на войне убивают людей, к тому же — наших людей, поэтому её надо прекратить. Однако, замечает Достоевский,

17 *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений в 30-ти томах. Т. 25. Ленинград, 1983. С. 96.

18 Там же. С. 98.

19 Там же. С. 99.

20 Там же. С. 102.

«все эти казенные фразы о крови — все это подчас только набор самых ничтожнейших высоких слов для известных целей. Биржевики, например, чрезвычайно любят теперь толковать о гуманности. И многие, толкующие теперь о гуманности, суть лишь торгующие гуманностью»²¹.

Они уводят разговор в плоскость абстрактных размышлений, будто не понимая, что «крови, может быть, ещё больше пролилось бы без войны»²², потому что турки не прекращали насилия в отношении славян, а Европа не только закрывала на это глаза, но даже помогала им.

Всякие разговоры о том, что русский народ отстал от европейского человечества, являются ложью, уверен Достоевский:

«Великий народ наш... претерпел мучения ещё с самого начала своего, за всю свою тысячу лет, такие, каких ни один народ в мире не вытерпел бы, разложился бы и уничтожился, а наш только окреп и сплотился в этих мучениях. Не корите же его за “зверство и невежество”, господа мудрецы, потому что вы, именно вы-то для него ничего и не сделали. Напротив, вы ушли от него... покинули его и разединили с собой, обратили его в податную единицу и в оброчную для себя статью, и рос он, господа просвещенные европейцы, вами же забытый и забитый, вами же загнанный как зверь в берлогу свою, но с ним был его Христос, и с Ним одним дожил он до великого дня... Да, зверства в народе много, но не указывайте на него. Это зверство — тина веков, она вычистится. И не то беда, что есть еще зверство; беда в том, если зверство вознесено будет как добродетель»²³.

Кликушествуя об отсталости русского народа, все либералы, говорит Достоевский,

«и наши и европейские, зажали уши себе и закрыли глаза на зверства и муки, которым подвергают целые племена людей, и изменили Христу — ради “интересов цивилизации” и ради того, что измученные племена называются славянами, то есть несут в себе нечто новое, а стало быть, их тем более надо задавить совсем до корня, и тоже ради интересов старой загнившей цивилизации. Вот это так

21 *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений в 30-ти томах. Т. 25. Ленинград, 1983. С. 101.

22 Там же. С. 101.

23 Там же. С. 124.

зверство — образованное и вознесённое как добродетель, и кланяются ему как идолу и на Западе, и у нас ещё в России»²⁴.

Жестокий и страшный парадокс войны, по словам Достоевского, заключён в том, что

«в некоторых случаях, если не во всех почти (кроме разве войн междуоусобных), война есть процесс, которым *именно* с наименьшим пролитием крови, с наименьшею скорбью и с наименьшей тратой сил, достигается международное спокойствие и вырабатываются, хоть приблизительно, сколько-нибудь нормальные отношения между нациям»²⁵.

Это происходит тогда, когда на протяжении многих лет один народ (или одно государство) угнетает другой, каплю за каплей выдавливая из него кровь и ежечасно увеличивая его страдания. И в этом случае, утверждает писатель,

«уж лучше раз извлечь меч, чем страдать без срока»²⁶.

Более того, именно мир, основанный исключительно на политической и экономической целесообразности,

«зверит и ожесточает человека, а не война»²⁷. Такой «мир всегда рождает жестокость, трусость и грубый, ожирелый эгоизм, а главное — умственный застой. В долгий мир жиреют лишь одни палачи и эксплуататоры народов»²⁸.

Во время такого мира воля народа дрябнет, становится рыхлой и податливой для всякого греха, и необходимо сильное потрясение, чтобы вновь вернуть его к жизни и развитию. Особенно это касается государственного и народного организма, заражённого апатией, сытостью и самодовольством, поэтому, говорит Достоевский, война — беда,

«если подумать отвлечённо, но на практике выходит... что для заражённого организма и такое благое дело, как мир, обращается во вред»²⁹.

24 *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений в 30-ти томах. Т. 25. Ленинград, 1983. С. 124.

25 Там же. С. 101.

26 Там же. С. 101.

27 Там же. С. 101.

28 Там же. С. 101.

29 Там же. С. 103.

Однако нужно твердо помнить, что

«полезною оказывается лишь та война, которая предпринята для идеи, для высшего и великодушного принципа, а не для материального интереса, не для жадного захвата, не из гордого насилия. Такие войны только сбивали нации на ложную дорогу и всегда губили их»³⁰.

Достоевский вскрывает ложь либерального тезиса о том, «что мир родит богатство». Это справедливо, говорит он, только для

«десятой доли людей, а эта десятая доля, заразившись болезнями богатства, сама передает заразу и остальным девяти десятым, хотя и без богатства. Заражается же она развратом и цинизмом. От излишнего скопления богатства в одних руках рождается у обладателей богатства грубость чувств. Чувство изящного обращается в жажду капризных излишеств и ненормальностей. Страшно развивается сладострастие. Сладострастие родит жестокость и трусость. Грузная и грубая душа сладострастника жесточе всякой другой, даже и порочной души. Иной сладострастник, падающий в обморок при виде крови из обрезанного пальца, не простит бедняку и заточит его в тюрьму за ничтожнейший долг. Жестокость же родит усиленную, слишком трусливую заботу о самообеспечении. Эта трусливая забота о самообеспечении всегда, в долгий мир, под конец обращается в какой-то панический страх за себя, сообщается всем слоям общества, родит страшную жажду накопления и приобретения денег. Теряется вера в солидарность людей, в братство их, в помощь общества, провозглашается громко тезис: “Всякий за себя и для себя”...»³¹.

И в результате, говорит Достоевский, когда

«общество нездорово и заражено, то даже такое благое дело, как долгий мир, вместо пользы обществу, обращается ему же во вред... Недаром же не проходило поколения в истории европейской, с тех пор как мы ее запоним, без войны»³².

Достоевский замечает, что либералы намеренно уводят разговор о конкретном событии и его причинах в плоскость общих рассуждений, выдвигая бесспорный, казалось бы, тезис: «Война – это плохо!»

30 Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30-ти томах. Т. 25. Ленинград, 1983. С. 103.

31 Там же. С. 101.

32 Там же. С. 103.

Но война войне рознь, отвечает им писатель. Во-первых, миропорядок современной Европы таков, что он

«всегда почти зарождает сам потребность войны, выносит ее сам из себя как жалкое следствие, но уже не из-за великой и справедливой цели, достойной великой нации, а из-за каких-нибудь жалких биржевых интересов, из-за новых рынков, нужных эксплуататорам, из-за приобретения новых рабов, необходимых обладателям золотых мешков...».

А во-вторых,

«есть войны, которые необходимы для прекращения насилия неявного, совершаемого без грохота пушек и свиста пуль»³³.

Точно так же отвечает на этот вопрос сегодня и Православная Церковь:

«*Взявшие меч, мечом погибнут*» (Мф. 26, 52), — в этих словах Спасителя находит обоснование идея справедливой войны. С христианской точки зрения, понятие нравственной правды в международных отношениях должно опираться на следующие основные принципы: любовь к своим ближним, своему народу и Отечеству; понимание нужд других народов; убеждение в том, что благу своего народа невозможно служить безнравственными средствами»³⁴.

Заметим, что с точки зрения современного уголовного права то, что делала Турция в Болгарии в 1860–1870-х гг., является геноцидом, то есть

«действиями, направленными на полное или частичное уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы как таковой путём убийства членов этой группы, причинением тяжкого вреда их здоровью, насильственным воспрепятствованием деторождению, принудительной передачи детей, насильственным переселением либо иным созданием жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение членов этой группы»³⁵.

В описываемый период геноцид славянских народов опирался на военную и политическую силу и осуществлялся по религиозному основанию: славяне могли сохранить себе жизнь и получить относительно безопасность только приняв ислам.

33 *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений в 30-ти томах. Т. 25. Ленинград, 1983. С. 102.

34 Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. VIII.3.

35 Ст. 357 УК РФ.

Если цель войны — прекращение геноцида, то это война не только справедливая, но и необходимая, и всякий, выступающий против неё, является соучастником преступления. Религиозный характер геноцида, развязанного Турцией, определил и характер действий России, провозгласившей своей целью не экономические или территориальные приобретения, а исключительно спасение гибнущих единоверцев. Однако у этой войны была и ещё одна скрытая религиозная «пружина»: в конце 1870-х гг. Европа руками мусульман пыталась получить то, чего ей не удалось достичь в ходе Крымской войны 1853–1855 гг. и о чём ясно сказал один из её идеологов, парижский архиепископ Мари Сибур:

«Война, в которую вступила Франция с Россией, не есть война политическая, но война священная. Это не война государства с государством, народа с народом, но единственно война религиозная. Все другие основания, выставляемые кабинетами, в сущности, не более как предлоги, а истинная причина, угодная Богу, есть необходимость отогнать ересь... укротить, сокрушить ее. Такова признанная цель этого нового крестового похода, и такова же была скрытая цель и всех прежних крестовых походов, хотя участвовавшие в них и не признавались в этом»³⁶.

Достоевский не мог знать об этих словах, но он хорошо понимал характер происходящего:

«А “блаженнейший папа, непогрешимый наместник Божий”³⁷... — разве не пожелал он победы туркам и мучителям христианства над русскими, ополчившимися во имя Христа за христианство, — за то только, что, по его *непогрешимому* определению, турки всё же лучше русских еретиков, не признающих папу?»³⁸ Разве это не зверство, не варварство?»³⁹

36 Сараскина Л. И. Христос Достоевского в 1854 году // Достоевский и мировая культура. Альманах. № 22 / ред.-сост. К. А. Степанян. Москва, 2007. С. 106.

37 Папа Пий IX.

38 Российские газеты цитировали слова папы Пия IX по поводу русско-турецкой войны: «В это самое время выставила *еретическая* великая держава многочисленное войско для наказания неверной державы, жалуясь на то, что эта последняя несправедливо управляет и утесняет многочисленных своих подданных, исповедующих учение православное. Война уже началась. Не знаю, которая из этих двух держав победит, но знаю, что над одной из этих держав, которая называет себя православною, но есть схизматическая, тяготеет рука правосудного Бога за бесчеловечные преследования католиков...». Говорилось и о весьма характерных призывах, прозвучавших на съезде католического духовенства в Вене (1 мая н. ст. 1877 г.), «поглотить все национальности в высшем единстве католической веры» («Московские ведомости», 1877, 30 апреля. № 104).

39 Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30-ти томах. Т. 25. Ленинград, 1983. С. 124.

По мнению Достоевского, ненависть Римского престола к России имеет глубоко духовные причины:

«...римское католичество... когда надо было... не задумавшись, продало Христа за земное владение. Провозгласив как догмат, “что христианство на земле удержаться не может без земного владения папы”, оно тем самым провозгласило Христа нового, на прежнего не похожего, прельстившегося на третье дьяволово искушение, на царства земные: “Все сие отдам тебе, поклонися мне!”»⁴⁰

И с тех пор само сознание того, что рядом с тобой живёт народ, сохранивший верность Господу, являлся для Рима источником тяжких и всё увеличивающихся мучений. Избавиться от них можно было только покаянием, но Рим выбрал путь Каина, убедив себя, что причиной страданий является не его собственный грех, а праведный брат. С тех пор он хочет переделать Россию по своему образу и подобию, будучи готов, если это почему-либо не удастся, уничтожить её вовсе, чтобы остаться единоличным владыкой земного мира, служа «страшному и умному духу, духу самоуничтожения и небытия»⁴¹. Достоевский сказал об этом словами Великого инквизитора, обращёнными к пленнику, которого он принял за Христа:

«Мы не с тобой, а с *ним*, вот наша тайна! Мы давно уже не с тобой, а с *ним*, уже восемь веков»⁴².

Была и ещё одна причина. В горделивом самоослеплении Запад решил, что он представляет собой высшую стадию человеческой цивилизации. Желая во что бы то ни стало угодить Западу, русские «общечеловеки», утратившие национальное самосознание, изображали Россию в виде отсталой и дикой страны, колосса на глиняных ногах, который рухнет и рассыплется в прах от первого толчка:

«Вот эти-то родные мысли мудрецов наших, — говорит Достоевский, — и облетели Европу, и особенно через европейских корреспондентов, нахлынувших к нам накануне войны изучить нас на месте, рассмотреть нас *своими* европейскими взглядами и измерить наши силы *своими* (курсив в обоих случаях наш. — О. С.) европейскими мерками. И, само собою, они слушали одних лишь “премудрых и разумных” наших. Народную силу, народный дух все проглядели,

40 Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30-ти томах. Т. 22. Ленинград, 1981. С. 88.

41 Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30-ти томах. Т. 14. Ленинград, 1976. С. 229.

42 Там же. С. 234.

и облетела Европу весть, что гибнет Россия, что ничто Россия, ничто была, ничто и есть и в ничто обратится. Дрогнули сердца истинных врагов наших и ненавистников», так как сказано было им, «что Россия все перенесет, все, до самой срамной и последней пощечины, но не пойдет на войну — до того, дескать, сильно ее “миролюбие”. Но Бог нас спас, наслав на них на всех слепоту; слишком уж они поверили в погибель и в ничтожность России, а главное-то и проглядели. Проглядели они весь русский народ, как живую силу, и проглядели колоссальный факт: союз царя с народом своим! Вот *только это* и проглядели они! Кроме того, не могли они никак понять и поверить тому, что царь наш действительно миролюбив и действительно так жалеет кровь человеческую: они думали, что всё это у нас из “политики”»⁴³.

Достоевский указывает на главное отличие начавшейся войны от всех войн, которые когда-либо вела Европа: её цель — не подчинение себе других стран и народов, а исполнение заповеди Христа, согласно которой

«нет больше той любви, если кто положит душу свою за друзей своих (Ин. 15, 13)». Это «подвиг самопожертвования кровью своею за все то, что мы почитаем святым...», и «что святее и чище подвига такой войны, которую предпринимает теперь Россия?»⁴⁴

Однако Запад судит Россию по себе и подозревает её в экспансионизме, аннексии и пр., а потому всячески препятствует её развитию, пытаясь разрушить снаружи и изнутри. Он не верит, говорит Достоевский, что Россия

*«не бросится на Европу с мечом, не захватит и не отнимет у неё ничего, как бы непременно сделала Европа, если б нашла возможность вновь соединиться вся против России, и как делали в Европе все нации, во всю жизнь свою, чуть только получала какая-нибудь из них возможность усилиться на счёт свой соседки»*⁴⁵.

Между тем в ходе войны с Наполеоном русская армия дошла до Ламанша и имела полное право оставаться в Европе сколь угодно долго. Если бы это произошло, Европа немедленно признала бы Россию своей, так как она поступила бы на её месте точно так же. Но Россия

43 Там же. 1983. Т. 25. С. 97.

44 Там же. С. 99.

45 Там же. С. 98, 99.

вернулась в свои границы, не нанеся Европе никакого вреда, и это сделало её ещё более чужой и ненавистой, чем прежде.

И сегодня, говорит Достоевский,

«мы не только ничего не захватим у них и не только ничего не отнимем, но именно тем самым обстоятельством, что чрезмерно усилимся (союзом любви и братства, а не захватом и насилем)⁴⁶, тем самым и получим наконец возможность не обнажать меча, а, напротив, в спокойствии силы своей явить собою пример уже искреннего мира, международного всеединения и бескорыстия»⁴⁷.

В этом, по мысли писателя, и заключается предназначение России, её национальная идея:

«Мы первые объявим миру, что не чрез подавление личностей иноплеменных нам национальностей хотим мы достигнуть собственного преуспевания, а, напротив, видим его лишь в свободнейшем и самостоятельном развитии всех других наций и в братском единении с ними, восполняясь одна другою, прививая к себе их органические особенности и уделяя им и от себя ветви для прививки, сообщаясь с ними душой и духом, учась у них и уча их, и так до тех пор, когда человечество, восполняясь мировым общением народов до всеобщего единства, как великое и великолепное древо, осенит собою счастливую землю»⁴⁸.

В это призвание России не верят и смеются над ним

«наши теперешние “общечеловеки” и самооплевники наши, но мы... верим тому, то есть идем рука в руку вместе с народом нашим, который именно верит тому. Спросите народ, спросите солдата, для чего они поднимаются, для чего идут и чего желают в начавшейся

46 В этих словах явно слышна перекличка с мыслью Ф. И. Тютчева, творчество которого Ф. М. Достоевский хорошо знал и любил:

«Из переполненной Господним гневом чаши
Кровь льётся через край, и Запад тонет в ней.
Кровь хлынет и на вас, друзья и братья наши!
Славянский мир, сомкнись тесней...

“Единство, – возвестил оракул наших дней, –
Быть может спяно железом лишь и кровью...” –
Но мы попробуем спаять его любовью,
А там увидим, что прочней...” (Два единства, 1870).

47 *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений в 30-ти томах. Т. 25. С. 100.

48 Там же. С. 100.

войне, — и все скажут вам, как один человек, что идут, чтоб Христу послужить и освободить угнетенных братьев, и ни один из них не думает о захвате. Да, мы тут, именно в теперешней же войне, и докажем всю нашу идею о будущем предназначении России в Европе, именно тем докажем, что, освободив славянские земли, не приобретем из них себе ни клочка... а, напротив, будем надзирать за их же взаимным согласием и оборонять их свободу и самостоятельность, хотя бы от всей Европы. А если так, то идея наша свята и война наша вовсе не “вековечный и зверский инстинкт неразумных наций”, а именно первый шаг к достижению того вечного мира, в который мы имеем счастье верить, к достижению *воистину* международного единения и *воистину* человеколюбивого преуспеяния!»⁴⁹

Войны эгоистические и корыстные, говорит Достоевский,

«развращают и даже совсем губят народы, тогда как война из-за великодушной цели, из-за освобождения угнетённых, ради бескорыстной и святой идеи — такая война лишь очищает заражённый воздух от скопившихся миазмов, лечит душу, прогоняет позорную трусость и лень, объявляет и ставит твёрдую цель, дает и уясняет идею, к осуществлению которой призвана та или другая нация. Такая война укрепляет каждую душу сознанием самопожертвования, а дух всей нации сознанием взаимной солидарности и единения всех членов, составляющих нацию. А главное — сознанием исполненного долга и совершённого хорошего дела: “Не совсем же мы упали и развратились, есть же и в нас человеческое!”»⁵⁰

Писатель верит, что

«мы вернемся с этой войны с сознанием совершённого нами бескорыстного дела, с сознанием того, что славно послужили человечеству кровью своей, с сознанием обновлённой силы нашей и энергии нашей — и всё это вместо столь недавнего позорного шатания мысли нашей, вместо мертвящего застоя нашего в заимствованном без толку европеизме»⁵¹.

Западные элиты, ослеплённые своим мнимым превосходством, говорит Достоевский,

49 Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30-ти томах. Т. 25. С. 100.

50 Там же. С. 102.

51 Там же. С. 102.

«ничего не понимают в России! Они не знают, что мы непобедимы ничем в мире, что мы можем, пожалуй, проигрывать битвы, но все-таки останемся непобедимыми именно единением нашего духа народного и сознанием народным... Не понимают они и не знают, что если мы *захотим*... то нас нельзя заставить сделать то, чего мы не пожелаем, и что нет такой силы на всей земле»⁵².

Причина этого непонимания кроется в важнейшем гносеологическом законе, о котором говорит апостол Павел:

«Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием; и не может разуметь, потому что о сем [надобно] судить духовно. Но *духовный судит о всем, а о нем судить никто не может* (1 Кор. 2, 14–15)».

Европа, пошедшая по пути «обращения камней в хлебы» и постепенно утратившая правильное духовное начало, смотрит на Россию так же, как и на себя — сугубо материалистически. Но Россия — не материальное, не географическое и не экономическое, а прежде всего *духовное* понятие. И беда не в том, замечает Достоевский, что этого не понимает Европа, а в том, что

«над словами этими засмеются... и у нас, и не только наши мудрецы и разумные, а даже и настоящие русские люди интеллигентных слоёв наших — до того мы еще не понимаем самих себя и всю истинную силу нашу, до сих пор еще, слава Богу, не надломившуюся. Не понимают эти хорошие люди, что у нас, в нашей необозримой и своеобразной, в высшей степени не похожей на Европу стране, даже тактика военная... может быть совсем не похожая на европейскую, что основы европейской тактики... могут споткнуться о землю нашу и наткнуться у нас на новую и неведомую им силу, основы которой лежат в природе бесконечной земли русской и в природе всеединящегося духа русского. Но пусть *пока еще* не знают этого у нас столь многие и хорошие люди (не знают и робеют). Но зато знают это цари наши, и чувствует это народ наш»⁵³.

Европа, говорит Достоевский, мечтает о последней войне, которая наконец подчинит ей Россию. Но даже если бы она и решилась на это, то

«уж конечно, об такую силу разбилась бы вся Европа вместе, потому что не хватит у ней на такую войну ни денег, ни единства организации».

52 Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30-ти томах. Т. 25. С. 97.

53 Там же. С. 97–98.

Писатель призывает к пробуждению и развитию национально-го самосознания:

«Когда у нас все наши русские люди узнают о том, что мы так сильны, тогда мы и добьемся того, что воевать уже не будем, тогда в нас уверует и впервые *откроет* нас, как когда-то Америку, Европа. Но для того надобно, чтобы мы прежде ихнего открыли сами себя и чтоб интеллигенция наша поняла, что ей нельзя уже более разъединяться и разрывать с народом своим...»⁵⁴.

В этих словах — русская идея Достоевского, его представление о том, что настоящее величие России достижимо только путём смиренного соединения русской национальной интеллигенции с простым народом, в непоколебимой чистоте хранящим в своём сердце слово Христа. Духовное единение всего русского народа станет залогом исполнения Россией её призвания:

«Да, вправду, виновата ли Европа, если после этого не может понять назначения России? Им ли, гордым, ученым и сильным, понять и допустить хоть в фантазии, что Россия предназначена и создана, может быть, для их же спасения и что она только, может быть, произнесёт наконец это слово спасения!»⁵⁵

Выводы

Геополитический анализ Достоевского поражает точностью, масштабом и глубиной. На примере конкретного исторического события писатель показал сложнейшие духовные процессы, протекающие внутри и вне России. Именно нарушение богоустановленных законов стало, с одной стороны, причиной неурядиц внутрироссийской жизни, а с другой — войны. Вывод Достоевского однозначен: война — зло, но её необходимо принять как единственно возможный выход из сложившейся ситуации, а затем приложить все усилия, чтобы подобное не повторилось вновь. Для этого необходимо крепить духовное единство всех слоёв русского народа, зиждущееся на исконной вере русского народа во Христа-Спасителя.

54 *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений в 30-ти томах. Т. 25. С. 98.

55 Там же. С. 100.

Источники

- Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // Информационный бюллетень отдела Внешних церковных связей Московского Патриархата. Специальный выпуск. № 8. Август 2000 г.
- Апреля 12. Манифест. О вступлении Российских войск в пределы Турции // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе (1825–1881). Т. 52 (1877). Ч. 1. Санкт-Петербург: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1879. № 57155. С. 371.
- Филарет, митр. Московский и Коломенский, свт.* Пространный христианский катехизис Православной Кафолической Восточной Церкви. Москва: Сибирская благовзвонница, 2005.

Литература

- Антоний (Храповицкий), митр.* Сила Православия / сост., предисл., прим., указатель имён А. Д. Каплина; отв. ред. О. А. Платонов. Москва: Институт русской цивилизации; Алгоритм, 2012.
- Бердяев Н. А.* Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. Москва: МГУ, 1990.
- Булгаков С. Н.* Свет Невечерний: Созерцания и умозрения / подгот. текста и коммент. В. В. Сапова; послесл. К. М. Долгова. Москва: Республика, 1994.
- Достоевская А. Г.* Воспоминания. 1864–1917. Москва: ООО «БОСЛЕН», 2015.
- Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений в 30-ти томах. Ленинград: Наука, 1972–1990.
- Зеньковский В. В.* Православие и культура / Православие: pro et contra: осмысление роли Православия в судьбе России деятелями русской культуры и Церкви: антология / Русская христианская гуманитарная акад., [Северо-Западное отделение Российской акад. образования]; сост.: В. Ф. Фёдоров, М. И. Шишова. Санкт-Петербург: Некоммерческое партнёрство «Науч.-образовательное культурологическое о-во», 2012.
- Ильин И. А.* Почему мы верим в Россию. Москва: Эксмо, 2008.
- Карсавин Л. П.* Сочинения / сост., вступ. статья и прим. С. С. Хоружего. Москва: «Раритет», 1993.
- Керсновский А. А.* Философия войны. Москва: Изд. Московской Патриархии, 2010.
- Круглов А., свящ.* Последняя война. Москва: Просветитель, 2005.
- Розанов В. В.* Собрание сочинений. В чаду войны (Статьи и очерки 1916–1918 гг.) / под общ. ред. А. Н. Николюкина; коммент. В. Н. Дядичева, А. Н. Николюкина. Москва; Санкт-Петербург: Республика; Росток, 2008.
- Сараскина Л. И.* Христос Достоевского в 1854 году // Достоевский и мировая культура. Альманах. № 22 / ред.-сост. К. А. Степанян. Москва: [Классика плюс], 2007. С. 85–111.
- Соловьев В. С.* Оправдание добра / отв. ред. О. А. Платонов. Москва: Институт русской цивилизации; Алгоритм, 2012.
- Шаргунов А., прот.* Последнее оружие. Москва: Русский Дом, 2014.
- Франк С. Л.* Сочинения. Москва: Правда, 1990.
- Фромм Э.* Душа человека: Перевод. Москва: Республика, 1992.